

УДК 81'25

**Жирова И.Г.**

*Московский государственный областной университет*

## О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

**I. Zhirova**

*Moscow State Regional University*

### ON THE TRANSLATION OF THE EXTRA-LINGUISTIC COMPONENTS FROM THE RUSSIAN LANGUAGE INTO ENGLISH

*Аннотация.* В статье рассматривается вопрос перевода лексических экстралингвистических компонентов с русского языка на английский. С позиции современных межкультурного и когнитивного подходов к переводу получает осмысление проблема передачи экстралингвистики в коммуникативно-информационном пространстве языковых культур. Рассматриваются два подхода к изучению и пониманию коннотации: исследование эмотивных компонентов и анализ любого компонента, дополняющего предметно-понятийное содержание лексической единицы. Особое внимание уделено тем тенденциям в современной теории перевода, которые ведут к расширению научного познания в этой области лингвистических исследований.

*Ключевые слова:* лексические экстралингвистические компоненты, взаимопонимание, коннотация, прагматический параметр, эмотивный компонент, безэквивалентная лексика (реалии).

*Abstract.* The article raises the issue of translation of lexical extra-linguistic components from Russian into English. Cross-cultural and cognitive approaches to translation predetermine transmission of extra-linguistics in communicative-informative space within language cultures. The article focuses on two approaches to connotation: research of emotive components only and analysis of any components expanding subject-conceptive content of words. The author analyses some tendencies in contemporary theory and practice of translation, which lead to the expansion of cognition in linguistics.

*Key words:* lexical extra-linguistic components, common understanding, connotation, pragmatic parameter, emotive component, culture-specific elements.

Главным средством общения людей и культур, безусловно, является язык, который хранит культурно-исторические ценности того или иного народа. Однако диалог культур, в частности русской и английской, высветил проблему *языкового взаимопонимания*. Маркированным элементом в лексеме *взаимопонимание* является **взаимо-**, он подчёркивает языковое партнёрство и равноправные отношения между Россией и такими ведущими англоговорящими странами, как США и Великобритания. Несомненно, в современной российской лингвистике много внимания уделяется межкультурному и когнитивному аспектам перевода *англоговорящей культуры* на русский язык, что даёт возможность получить информацию об этой культуре в России. В то же время остро стоит вопрос передачи информации о русской культуре носителю английского языка.

В центре внимания *современного перевода* находятся взаимодействующие языки (исходный язык, с которого переводят, и язык или языки, на которые переводят) как системы знаков, играющие важную роль в репрезентации и трансформации информации, с учётом языковых семантик взаимодействующих языков. Предметом изучения являются ведущие диалог сопоставляемые языки, в основе которых лежит общий, предопределённый физиологическими и биологическими факторами механизм приобретения, использования, хранения

и передачи информации [5]. При этом речь идёт о культуре как о системе, воспринимающей информацию и передающей её. В то же время, по мнению Г.Т. Хухуни и С.П. Смылова, «языковая общность отнюдь не означает культурной идентичности» [18, с. 181].

В антропоцентрическом направлении современного языкознания акцент в изучении структуры лексического значения существенно сместился в сторону менее исследованных экстралингвистических (коннотативных) компонентов. Активно обсуждаются вопросы, связанные с природой коннотации, составом коннотативного макрокомпонента, его структурой и путями выделения коннотативных элементов в семантике слова, то есть способами разграничения в языке нейтральной и маркированной лексики. Особый интерес представляют возможности перевода коннотативных значений с одного языка на другой. Отметим, что именно передача экстралингвистической информации с одного языка на другой вызывает определённые трудности у переводчиков.

В понимании коннотации в современной лингвистике наметилось два подхода: узкий и широкий. Узкий подход включает в себя исследование только эмотивных компонентов («эмотивность», «эмотивная оценка», «чрезмерность», «интенсивность» и др.) [10; 8; 15]. Широкий же подход предполагает исследование любого компонента, дополняющего предметно-понятийное, а также грамматическое содержание языковой единицы, придающее ей эмфатическую (экспрессивную) функцию. При этом такая функция выделяется на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурологическим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с их эмоциональным или ценностным отношением к обозначаемому, а также со стилистическими регистрами, характерными условиями речи, социальными отношениями участников речи [16].

Очевидно, что между этими сформировавшимися подходами лежит большое расстояние: от исчисляемого количества коннотаций, которое тяготеет к эмотивно-оценочным и

эмотивным смыслам, до практически неограниченного множества *co*-значений, составляющих характеристики слова коммуникативно-прагматического плана.

Широкий подход отражает те свойства слова, которые выявлены благодаря введению дополнительных (антропоцентрических) параметров в описании лексической единицы. Подобное расширение объёма коннотации свидетельствует об активном постижении коммуникативной и когнитивной природы слова. Множество характеристик слова, нашедшее отражение в широком понимании коннотации, отличается своей разнородностью, утратой реально обозримых границ. Содержательным стержнем, объединяющим это гетерогенное образование, служит то, что все его компоненты отражают так называемую коммуникативно-информационную зону говорящего социума.

Вполне закономерно стремление исследователей уточнить модель экстралингвистики с учётом изменившегося объёма признаков. Проявляется это в попытках проанализировать указанное множество содержательных компонентов коммуникативно-информационного смысла в современной прагматике, которая также «захватывает» определённую зону в семантике многих языковых единиц. То, что признанные в широком понимании коннотации языковые элементы непосредственно связаны с прагматикой, сомнений не вызывает. Они, так или иначе, отражают языковую и коммуникативную компетенцию человека и его включённость в социокультурный контекст. Однако остаётся открытым вопрос: каково соотношение коннотативной и прагматической информации в содержательной структуре языковой единицы, и в каких отношениях экстралингвистические элементы находятся в слове: тождества, пересечения или включения?

Одна из первых попыток соотнести экстралингвистические (коннотативные) смысловые элементы с категориями прагматики принадлежит Ю.Д. Апресяну [1]. Определив содержание прагматики как отношение говорящих к миру действительности, к содер-

жанию сообщения и к адресату, он особо выделил в зоне прагматики эмоциональное и оценочное содержание слова. Н.Д. Арутюнова также считает оценку центральным элементом прагматической характеристики языковой единицы [2]. Прагматическая значимость эмотивно-оценочного и оценочного содержания представляется очевидной, однако и прочие экстралингвистические компоненты, выделяемые сторонниками узкого и широкого подхода, могут быть охарактеризованы как прагматически значимые.

Это побудило лингвистов вновь обратиться к проблемам экстралингвистики, но на качественно новом уровне (когнитивном), соотнося коннотативные компоненты с прагматическими параметрами коммуникативной деятельности человека.

Представляет интерес попытка Н.А. Лукьяновой разграничить «области коннотации и прагматики, соотносящиеся с человеком», которые часто отождествляют. В качестве разделяющей их «демаркационной» линии исследовательница предлагает представление о двух типах субъектов коммуникации: субъектов номинации и субъектов речи. Субъект номинации – это тот, кто даёт имя предмету, явлению, отражая и закрепляя в его лексическом значении субъективные аспекты восприятия объективной «картины мира». Субъект речи использует в своём высказывании готовую к употреблению номинацию, определённым образом семантически трансформируя её в соответствии с целями речевой ситуации, участником которой он является. Субъект номинации, как правило, через эмоции, эмоциональные реакции и оценки отражает и «закрепляет» в коннотативном компоненте лексического значения номинации элементы «эмотивность» и «эмотивная оценка», в то время как субъект речи представлен в речевой реализации уже системного значения номинации – в зоне прагматики [9, с. 31].

Н.А. Лукьянова разграничивает прагматические и коннотативные («эмотивность» и «оценочность») элементы, относя первые к области реализации, вторые – к области

системного значения. Поскольку автор придерживается узкого понимания коннотации [8], все компоненты, связанные с интерпретацией фактора говорящего субъекта, адресата и коммуникативной ситуации, она, по-видимому, относит к зоне прагматики, связывая их с субъектом речи, а не с субъектом номинации. Следовательно, указанные элементы не рассматриваются как соответствующие системному значению языкового знака.

Однако для отражения всего многообразия смыслов, связанных с представлением о коммуникативной ситуации, языковой знак должен располагать широким набором признаков разного ранга, в том числе и потенциальных, в структуре лексического значения. Естественно, что такие элементы – социальные, культурные, коммуникативные и т. д. – отражают отношение говорящего к миру и адресату, его интерпретацию условий коммуникации и пр. Именно они называются экстралингвистическими и представлены как на уровне системного (словарного) значения, так и на уровне реализации; ср.: *социальные* компоненты, выделенные Л.П. Крысиным [6] и Ю.Д. Апресяном [1]. Так, С.Г. Тер-Минасова подчёркивает, что «все языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определённой социокультурной общности в определённое время и в определённом месте, отражают и формируют культуру и общественное устройство этой общности и поэтому наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу оттенками значений, коннотациями и особенностями речепотребления» [17, с. 146].

Проблема передачи экстралингвистических компонентов с одного языка на другой ставит под угрозу один из главных постулатов общей теории перевода – *идею эквивалентности*, которая должна быть уточнена в свете нового подхода к понятию значения слова. По определению С.Г. Тер-Минасовой, «значение слова, так же, как и культура, сочетает коллективное, национально обусловленное (навязанное) языком представление

о реальном мире с индивидуальным, личным, обусловленным (навязанным) социокультурным опытом отдельного человека» [17, с. 147]. Вполне естественно, что передача экстралингвистики с одного языка на другой весьма затруднительна. Наиболее разработанной темой в теории и практике перевода является перевод реалий (culture-specific elements), или безэквивалентной лексики. О передаче национального колорита и исторического своеобразия писали, в частности, С.И. Влахов и С.П. Флорин, которые отмечали безусловную связь реалии с внеязыковой действительностью [3, с. 25]. Г.Т. Хухуни и С.П. Смыслов в статье, посвящённой реалии как культурному понятию, подчёркивают, что «при репрезентации реалий основной задачей является именно «доведение» до читателя той внеязыковой действительности, которая стоит за последними, и тех ассоциаций, на которые рассчитывает автор» [18, с. 184].

Объём семантики слова представлен в разных языках по-разному. Человек иной культуры, постигающий русский язык, как правило, стремится найти эквивалент «чужого» слова в своей культуре, не будучи готов к тому, что семантическая глубина («размер») на первый взгляд эквивалентных лексических единиц может не совпадать в сопоставляемых культурах.

Так, достаточно «бесхитростное» русское слово *ничего* оказывается камнем преткновения для перевода на английский язык, что обусловлено коммуникацией, предполагающей расширение объёма семантики этой лексемы. В соответствии с русским речевым этикетом лексема *ничего* характеризуется многозначностью, которая зависит от контекста и интонационного рисунка произношения. В русском языке *ничего* может использоваться как эмпатический элемент для выражения сочувствия, утешения, подбадривания, успокоения. Так, на вопрос «Ты не ушибся/ ушиблась?» можно услышать ответ: «Да *ничего*. Всё в порядке» («Did you hurt yourself?» – «It's nothing. I'm fine/ OK»). Эта же лексема используется и в случаях, если кто-то приносит свои извинения за что-либо: «Извините, я

опоздал». – «*Ничего страшного*». («I'm sorry, I'm late». – «Don't worry»). Однако лексема *ничего* может выражать и проявление вредности/ чёрствости со стороны кого-либо: «Уже поздно. Вряд ли они сегодня закончат отчёт». – «*Ничего, ничего!* Пусть закончат» («It's already late! I'm not sure they will be able to finish the report today». – «They can sit here until midnight for all I care!»). Эта же лексема активно используется в разговорном русском языке для выражения восхищения: «Ты не поверишь! Он завтра улетает в Лондон! – *Ничего себе!*» («You won't believe it! He's leaving for London tomorrow!» – «You're kidding! I'll be damned!»); либо «*Ничего себе* домик!» («Small house, indeed!»). Слово *ничего* может выражать и полное одобрение: «Я прочитала его книгу. *Очень даже ничего*» («I've read his novel. It's really quite good/ interesting»).

В русском языке есть особые, близкие внутреннему миру русского человека, культурологически обусловленные слова, которые можно сколько угодно переводить на любой иностранный язык, однако их семантическая глубина останется не до конца раскрытой и понятой другой культурой, в частности англоговорящей. К таким национально обусловленным словам, объединяющим русский народ в единое целое, относится *душа* – чисто русское языковое «изобретение». Эта лексема иногда раздражает иностранцев, так как она выстраивает невидимый культурный языковой барьер, информируя о национальной исключительности русских. Барьер, который невероятно мощно отгораживает «культурную территорию» русских от других культурных национальных территорий. Эта же лексема навязывает носителю русского языка определённые представления о возможном (правда не всегда оправданном) национально-специфическом поведении (*Гуляй, пока душа просит!*).

*Душа* – важнейшая категория национального самосознания русского народа. В эмпирическом опыте не существует объекта как некой реальности, соотносимой с этой лексемой, выражающей так много смыслов. Для русского сознания *душа* – это, пожа-

луй, основной объект философствования: ни одно другое слово не передаёт мироощущение, видение мира русского народа полнее и весомее, чем эта лексема. Русские трепетно относятся к душе, которая в системе ценностей нации по праву занимает особое место. Лексема *душа* невероятно легко сочетается со многими словами в русском языке. Для иностранца варианты естественной сочетаемости этой лексемы непредсказуемы, следовательно, требуют пристального внимания и определённого «душевного равновесия» при переводе, а также «душевных сил», чтобы познать «загадку русской души». Приведём лишь некоторые выражения с этой лексемой: *душа болит; душа в пятки ушла; душа не на месте; душа не лежит; жить душа в душу; поговорить по душам; всё, что душе угодно; сколько душе угодно; не иметь ничего за душой; стоять над душой; пей (ешь) сколько душе угодно; покривить душой; на душе кошки скребут; ни живой души; болеть душой; от всей души; души не чаять; хотеть в душе; с открытой душой; ни гроша за душой; бумажная душа; заячья душа; мёртвые души* и пр.

Так, выражение «душа болит» можно перевести на английский язык как: *one's heart aches for / breaks for; be worrying sick / to death about*, в то время как «душа в пятки ушла» – *be scared / frightened to death / out of one's wits; be in cold sweat; have one's heart in a mouth / throat / boots; get cold feet* и т. д. [7]. Выражение «душа горит» может быть представлено в английском языке как *have a fire in one's belly; be a live wire; have itchy fingers; have one's heart set on smth; be hot to do smth; have ants in pants* и пр. Однако ни один из приведённых примеров перевода русских выражений с лексемой «душа» на английский язык не передаёт в полной мере их экстралингвистические национально-специфические особенности. Все английские соответствия лишены главного – души.

Включение особых смысловых элементов в содержательную зону языкового знака активно обсуждается лингвистами и лексикографами в настоящее время. Так, В.В. Ощепкова в своей статье, посвящённой вариативной англоязычной картине мира, представленной

в лексикографических источниках, отмечает, что «в конце XX века в связи с изменением параметров межкультурной коммуникации, изменением её объёма появилась настоятельная потребность в лексикографических источниках, систематизированно представляющих национально-культурное своеобразие вариантов английского языка в сопоставлении» [12, с. 34]. Несомненно, что новые экстралингвистические (культурологически и коммуникативно-прагматически обусловленные) словари (словари-активаторы), созданные профессиональными лингвистами и переводчиками, весьма востребованы в век глобализации и интеграции культур. Одним из таких словарей является «Мой не-систематический словарь», составленный П.Р. Палажченко, в котором автор представил своё видение языковой (лексикографической) картины английского, отражённой в русском языке. По словам автора словаря, важно «впитывать воздух чужого и (своего) языка, рыться в ворохах слов и, найдя нужное, ощущать его фактуру, его объём, а потом нащупывать нити межъязыковых соответствий...» [13, с. 5].

Так, занимаясь проблемой включения прагматических компонентов слова в толковые словари, Г.Н. Складневская отмечает, что «прагматический компонент в словаре – это такой типизированный (социально закреплённый и единый для всех говорящих) элемент содержания лексического значения, который в типовых речевых актах символизирует отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения и к адресату» [14, с. 70].

Данная позиция представляется вполне убедительной и основательной. Попытка разграничения экстралингвистических (коннотативных и прагматических) аспектов значения как относящихся к зонам языка и речи не соответствует положению дел в лингвистике. Традиционно понимаемые как прагматические элементы – социальный компонент, социокультурный, межличностный и др. – есть составляющие, закреплённые в языковом сознании говорящих, содержательной структу-

ры языкового знака при интегральном подходе к лексическому значению (В.Г. Гак [4], М.В. Никитин [11], И.А. Стернин [15] и др.).

Рассматривая коннотацию в узком (традиционном) смысле, следует отметить, что её отношения с прагматикой интерпретируются как включение: коннотативные компоненты (эмотивность и эмотивная оценка) являются составной частью прагматической зоны лексического значения. Например, русская лексема *чушь*, как правило, переводится на английский язык через лексему *nonsense*. Однако в русском разговорном языке для усиления (эмфатизации) нашего чувства *негодования* возможно эмотивное высказывание «*Чушь собачья!*», которое на английский язык может быть переведено, как «*What stuff and nonsense!*».

Если коннотация понимается в широком смысле (когда её объём практически тождественен прагматическому макрокомпоненту), попытки «привязать» коннотацию к зоне языковой семантики, а прагматический компонент к коммуникативной зоне могут оказаться плодотворными. Каждый элемент этого сложного множества является составной коннотации, то есть прагматического макроэлемента. При этом вполне естественно, занимая различные позиции в структуре лексического значения слова, как принадлежащей языковой системе, он входит в прагматический компонент, реализуясь в ситуации конкретного речевого акта. В этом случае интерпретация содержательных элементов – коннотативных или прагматических – может быть связана с разными аспектами описания смысловых признаков слова: с точки зрения системно-структурного и коммуникативного подходов к лексическому значению [5, с. 103–136]. Таким образом, экстралингвистика будет включать как коннотативные, так и прагматические компоненты слова. Например, существует этимологическая информационно-коммуникативная (бытовая) версия того, что русская лексема *ерунда* заимствована из латинского языка. Латинское слово *gerundium* (*герундий*) в русской культуре было воспринято с некоторой долей неприязни, так как

в русской грамматике отсутствует герундиальная грамматическая категория. Таким образом, русский язык «отмахнулся» от чуждой ему латинской грамматики и приписал заимствованному латинскому слову *gerundium* значение ‘*чепуха / чушь*’ [19, с. 11–12].

Знаменательно, что именно в лингвистике второй половины XX в. исследователи коннотации ближе всего подошли к выявлению и осмыслению – через анализ семной структуры лексического значения эмотивно-оценочного слова – факторов говорящего человека в языке. Когда же произошло признание антропоцентрической парадигмы, выдвигающей говорящего человека в качестве объекта языкового описания, наметилось и размежевание, в том числе и терминологическое, аспектов описания этих языковых феноменов.

Таким образом, обсуждение спорных вопросов объёма экстралингвистики в языковом знаке неизбежно выходит на проблемы соотношения понятий коннотативной и прагматической зон в самом значении слова. Это способствует дальнейшему углублению лингвистических представлений о структуре лексического значения любого (как нейтрального, так и эмотивно-оценочного) слова. Исследование соотношений в лексеме компонентов разных рангов – собственно семантических и коммуникативно-прагматических – предоставляет возможность лингвистам, занимающимся актуальными вопросами современного перевода, по-новому взглянуть на проблему эквивалентности перевода и адекватности передачи экстралингвистической (социокультурной) информации, заключённой в слове, с одного языка на другой.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Р. Валент, 2009. – 360 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.

5. Жирова И.Г. Лингвистическая категория «эмфатичность» в антропоцентризме. Языковая личность Маргарет Тетчер в эмоционально-оценочном дискурсе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 256 с.
6. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 78–86.
7. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. – М.: Флинта-Наука, 2001. – 776 с.
8. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1986. – 227 с.
9. Лукьянова Н.А. Виды номинаций с точки зрения типов структур их лексических значений // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. – Новосибирск, 1996. – С. 26–39.
10. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 168 с.
11. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
12. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2010. – №6. – С. 28–37.
13. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. Т. 1. – М.: Р. Валент, 2010. – 304 с.
14. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 171 с.
16. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.
18. Хухуни Г.Т., Смыслов С.П. Реалия как лингвокультурное понятие (на материале индейских понятий) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2011. – № 2. – С. 181–185.
19. Berdy Michele A. The Russian Word's Worth. – М.: GLAS PUBL SHERS, 2010. – 495 с.